

Александр Воронович

студент II курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ПРИЧИНЫ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ

Voronovich A. Ethno-Political Conflicts and Reasons Behind Them: Looking for New Approaches.

To reveal the causes of ethnic conflicts the author proposes to compare regions with different degrees of conflictivity using different parameters. The Balkan regions are divided into 3 groups: conflicts, latent conflicts and "knots". The key problem is selection of parameters. As the author suggests, one of the main requirements is that the parameters must be formalizable, which will make it possible to pass from subjective evaluations to convincing reasoning. The article presents approximately 30 parameters. The proposed method is meant to reveal which of these parameters influence interethnic conflictivity and which do not.

are presented. The main goal of the proposed method is to reveal, which of these parameters influence interethnic conflictivity and which don't.

Конец XX века ознаменовался ростом числа этнополитических конфликтов. Это делает для науки чрезвычайно актуальным вопрос об их причинах. Сегодня существует большое количество теорий конфликтов. Но уже такое их обилие показывает — вопрос о причинах этнополитических конфликтов можно считать открытым.

В этой ситуации самым продуктивным представляется начать все сначала — заново на эмпирическом уровне рассмотреть некую выборку этнополитических конфликтов. И от этого уже идти к созданию теории, объясняющей их причины.

Крайне плодотворным в этом отношении представляется обращение к ареалу Юго-Восточной Европы — региону с очень большим количеством этнополитических

конфликтов. Некоторые авторы даже полагают, что именно этот регион, вернее — его ядро, Балканы, послужил Дж. Р. Толкиену прообразом его «страны зла», Мордора. И этот регион изначально дает нам великолепную подсказку — помимо конфликтов мы наблюдаем здесь и мирное существование двух или более этносов. Таким образом, мы можем сравнить регионы, где конфликты в силу каких-то причин не возникают, с конфликтными регионами в рамках одного культурного мира или микрорегиона.

Но прежде чем приступать к этому, рассмотрим вкратце хотя бы основные подходы к изучению этнополитических конфликтов, с тем, чтобы оценить их объяснительную способность.

* * *

Один из наиболее популярных подходов стал *культурно-плюралистический подход*, исходящий из идеи, что конфликты неизбежно возникают, когда сталкиваются две различные культуры.

С. Хантингтон выдвинул идею «столкновения цивилизаций» (Хантингтон 1994; Huntington 1996). По Хантингтону мир разделён на цивилизации (культурные общности высшего порядка) и этнополитические

конфликты возникают в местах, где эти цивилизации соприкасаются. Таким образом, современный мир предстает перед нами через тектоническую метафорику «плит» и «разломов» (Цымбурский 1999). Мировым источником цивилизационного конфликта становится не идеология или экономика, а культура. Именно культура, отождествлённая у Хантингтона, главным образом, с религией¹, станет причиной самых ожесточённых этнополитических конфликтов в будущем. Изучая этнополитические конфликты цивилизаций, Хантингтон выделяет 2 уровня: макроуровень (соперничество стран, прежде всего стержневых, из разных цивилизаций за влияние в военной и экономической сферах, за контроль над международными организациями и «странами третьего мира») и микроуровень (группы, обитающие вдоль «линий разлома», ведут борьбу за земли и власть друг над другом). Автор изучает именно макроуровень, считая, что на микроуровне всё объясняется событиями макроуровня. Таким образом, у Хантингтона частности объясняются общей глобальной идеей, а не формируют её, видимо с этим, в частности, связаны и многие противоречия теории и реальности.

Говоря о недостатках этого подхода можно отметить следующие. Хантингтон пользуется понятием цивилизации. Однако, как отмечает В. Цымбурский (1999), развивавший идеи С. Хантингтона, понятие цивилизации так и не имеет общего определения среди учёных, а определение «культурная общность высшего порядка» достаточно туманно (надо отметить, что, несмотря на это, Цымбурский в своей работе продолжает пользоваться понятием цивилизации, и его собственные определения понятия цивилизации не проясняют их сущности). Тем более трактовка «Запада» Хантингтона как «культурной общности» не совсем точно отражает их суть, так как «Запад» включает в себя людей разных вероисповеданий, разных идеологий, разных языковых семей и разных традиций. Кроме того, В. Цымбурский отмечает, что не все общества, культурно связанные с цивилизацией, принадлежат ей в равной мере. Собственно, на исправление этого недостатка и направлена вся его статья.

¹ Джонатан Фокс подчеркивает, что как в самой теории Хантингтона, так и почти во всех спорах о роли религии в возникновении конфликтов термин «религия» избегается и/или заменяется другими терминами, например, «цивилизация», «культура» и т. д. А это в свою очередь смещает акценты в исследованиях, так как «религия», «цивилизация» и «культура» — это «не совсем одно и то же» (Fox 2003: 107).

В работах Хантингтона и Цымбурского также не объясняются такие факты, как поддержка западным миром боснийцев или албанцев в борьбе против сербов. Этот факт упоминается, однако объяснения ему ни в рамках предлагаемой теории, ни вне её не даётся. При этом именно Исламская цивилизация, как считает Хантингтон, является главным врагом Западной² (подробно описан этот момент в книге Хантингтона (Huntington 1996: 109-120, 209-218), где он развивает идеи своей статьи).

Самое главное, что следует отметить — это то, что «теории столкновения цивилизаций», как, в целом, и другие направления в рамках культурно-плюралистического подхода, приводят к мысли о неизбежности этнополитических и, в особенности, межрелигиозных конфликтов (Кимлика 2000: 278). Можно даже добавить, что они являются своеобразным руководством к действию, так как не видят решения в условиях совместного существования двух цивилизаций (культур) кроме конфликта. Также разница цивилизаций может быть, как и разница религий, использована в целях разжигания этнополитических конфликтов, в целях давления на страны как своей, так и чужой цивилизации.

Сторонники *статусно-группового подхода* призывают уйти от устоявшегося уже понятия «конфликта интересов» и перейти к понятию «конфликта признания» (Малахов 2001: 131). Они считают, что этнополитические конфликты — это именно «конфликты признания», а не «конфликты интересов». Таким образом, для любого меньшинства, а особенно этнического, прежде всего, важны символы — символы их признания. Обычно эти символы заключаются в статусе меньшинства, в статусе его языка, религии. Если эти символы не признаются или ставятся по статусу ниже символов других групп, меньшинство идет на конфликт. «Низкий статус порождает психологическое состояние ущербности, подавленности, ведет к возникновению всевозможных движений» (Марченко 1997: 28). Таким образом, сторонники этого подхода «согласны в том, что провозглашение молдавскими властями официального двуязычия могло бы предотвратить конфликт в Приднестровье или, по крайней мере, лишить его

² В то же время, как отмечают некоторые авторы «угроза великого исламского объединения для борьбы против западных цивилизаций не имеет под собой оснований» (Мирский 1998: 80). Так, в основе арабского мира лежит не религия (ислам), а язык и культура (Мирский 1998: 79). В то же время арабский мир является не только одной из крупнейших частей исламской цивилизации, но и, ввиду богатых месторождений энергетических ресурсов, одним из ее главных экономических центров.

такой интенсивности, какую он имел в 1992 г.» (Малахов 2001: 131). В какой-то мере с этим согласен и президент непризнанной республики ПМР И.Н. Смирнов (2001). Вопрос, почему не триязычие или вообще четыре языка (ведь есть еще украинцы и гагаузы), пока что так и не рассмотрен в рамках данного подхода. Тем более существуют меньшинства, противоречащие по своим характеристикам статусно-групповому подходу. Таким примером является турецкое меньшинство в Болгарии.

Оно не признается национальным меньшинством в Болгарии. Болгарская конституция является единственной на Балканах, в которой зафиксирован такой пункт, как «традиционная религия» (Ст. 13-3). Таковой считается восточно-православное вероисповедание. Таким образом, религия турок, а также части болгар (помаков) — ислам — ставится ниже по статусу, чем «традиционная религия». Также запрещены партии, составленные по этническому признаку. У Движения за Права и Свободы, отстаивающего интересы турок, были серьезные проблемы при признании его легальности в начале 90-х годов. Тем не менее, после распада социалистического блока турки проживают в этом регионе мирно и политическими способами добиваются своего признания (при помощи того же «Движения за права и свободы»).

Современная политика Евросоюза особенно по отношению к потенциальным членам и странам, находящимся недалеко от границ ЕС, нередко во многих аспектах сводится к статусно-групповому подходу. Так, ЕС требует от этих стран обеспечения всеми культурными правами меньшинств, а в наилучшем виде эти права должны быть выражены как минимум в предоставлении статуса территориально-культурной автономии. Считаясь с идеями статусно-группового подхода, ЕС надеется таким способом снять напряженность в этих странах и, соответственно, снять напряженность вблизи своих границ.

Однако при этом не учитывается главный недостаток рассматриваемого подхода, который заключается в нерешенности основного для него вопроса: какого именно признания хотят меньшинства? Или, другими словами, где пролегает граница «признания-непризнания»? У каждого автора свой ответ. Вплоть до сецессии у Уилла Кимлика. Нерешенность этого вопроса прослеживается и в политике ЕС, где требования варьируются от простого предоставления культурных прав меньшинству до конфедеративных форм и даже сецессии (хотя пока что все же такой вариант считается нежелательным).

Канадский политолог Уилл Кимлика является одним из главных современных идеологов статусно-группового подхода. Он подходит к изучению этнополитических конфликтов с точки зрения либерально-демократических ценностей. Они для автора незыблемы, и ничто не может быть принято, что будет им противопоставляться. Идеал либерально-демократических ценностей для Кимлика — это, конечно же, Западное общество. В своей статье он вступает в противоречие с самим собой: признавая тот факт, что нельзя экспортировать западные ценности на Восток, он рассматривает этнополитические конфликты Юго-Восточной Европы через призму именно западных ценностей.

Основная идея У. Кимлика состоит в том, что лояльность национальных меньшинств обеспечивается не насильственными методами, а «признанием их чувства отдельной национальности» (Кимлика 2000: 252). Он рассматривает применимость западных способов «признания» в Юго-Восточной Европе. В этом смысле У. Кимлика предлагает федерализм в качестве способа решения конфликтных ситуаций. Федерализм, по его мнению, сумел усмирить национализм, не прибегая к ущемлению прав и свобод. Федерализм значительно уменьшает ставки при сецессии (Кимлика 2000: 260). Кроме того, одним из вариантов признания канадский политолог видит полное отделение части государства, где проживает меньшинство, то есть сецессию. Я не буду рассматривать здесь вопрос признания сецессии средством решения конфликтов, так как это отдельный и очень сложный вопрос, отмечу только, что признание сецессии может быть возможным только в случае наличия очень четких критериев, которые будут определять границы применимости этого средства.

Еще одним интересным подходом является *неомарксистский*. Необходимо отметить, что «основоположники марксизма (К. Маркс и Ф. Энгельс) не занимались специально изучением расовых и этнополитических проблем в контексте исследования современного им капитализма» (Скворцов 1998: 54). Поэтому предлагаемый подход — плод разработок преимущественно западных ученых на основе идей марксизма. В русскоязычной литературе этот подход практически не представлен, видимо, потому что после развала СССР ссылаться на Маркса и Энгельса стало не модно.

Главный постулат неомарксизма основан на том, что этнополитический конфликт это проявление более глубокого классового кон-

фликта (Скворцов 1999: 24). Но, это верно только там, где в сложном обществе мы наблюдаем «распределение Раменского» — занятие определенным этносом определенной социальной ниши. Однако классовая структура скорее может совпадать с расовой структурой в государстве, «этнополитические же границы чаще всего рассекают классовые» (Хесли 1996: 41). На мой взгляд, здесь также очень важно, как воспринимает само население свое причисление к какому-либо классу. Если, например, некоторая группа занята в сельском хозяйстве, но при этом это не вызывает у них негативной реакции, то и конфликт не будет возникать. Например, такое положение может существовать, когда сельское хозяйство — традиционная форма хозяйства для какой-то группы.

При этом очень важно отметить, что неомарксизм в рамках своей теории конфликта рассматривает два понятия: этнос и раса. Но в конечном итоге оба этих феномена имеют схожее происхождение, являясь своеобразным социальным и культурным конструктом. Таким образом, в неомарксизме не акцентируется внимание на биологических особенностях расы³. Тем не менее необходимо рассмотреть, как себе представляют неомарксисты как этнические, так и расовые отношения, так как они представляют собой в неомарксизме две различные модели взаимоотношения «конструктов».

Один из классиков неомарксизма О. Кокс различал расовые и этнические отношения по формам «социальной нетерпимости». По Коксу, этничности соответствовала нетолерантность, а расе — расовый предрассудок. То есть в первом случае — это «нежелание части господствующей группы проявлять терпимость к верованиям и практикам подчиненной группы, поскольку рассматривает эти верования и практики как враждебные для своей групповой солидарности или как угрозу для установленного статус-кво». А во втором — «социальная установка, распространяемая в обществе путем эксплуатирования класса в целях стигматизации какой-либо группы как низшей, поскольку в этом случае эксплуатация такой группы или использование ее ресурсов может быть оправдана» (Сох 1948: 393; цит. по Скворцов 1998: 58). В реальности это выражается в первом случае притеснением, а во втором — эксплуатацией. Этническая нетолерантность не под-

разумевает эксплуатацию, а скорее представляет собой «конкуренцию между культурно отличающимися группами» (Скворцов 1998: 58). Таким образом, «нетолерантность» стремится избавить общество от других культурных групп, но отнюдь не загнать их в рамки какого-либо класса. Однако в реальности нередко встречается переплетение этих двух форм «социальной нетерпимости». Подводя итог, можно заметить, что возможность интерпретации этнического конфликта как классового достаточно мала, так как сам вид отношений между различными этносами не подразумевает обязательной классовой дифференциации.

Кроме этого ключевого положения для неомарксистского подхода характерны и другие идеи, основанные во многом на идеях классического марксизма. Например, неомарксизм трактует национализм, как «проявление узкогрупповых интересов элит меньшинств» (Празаускас 1997: 96). Другой идеей является рассмотрение отношений «центр-периферия», как проявление внутреннего колониализма. То есть центр «выкачивает» ресурсы из периферии и за ее счет богатеет. Бедная периферия вынуждена идти на конфликт, стремясь освободиться от «экономических оков». Остаются необъяснимыми в данном случае причины конфликта в Косово, которое, несмотря на свою бедность, активно субсидировалось центром, а не наоборот.

Достоинство неомарксистского подхода состоит в том, что «он показывает важность экономических факторов для понимания этничности и национализма» (Хесли 1996: 41). Однако, как уже было показано выше, основные постулаты, и, прежде всего рассмотрение этнического конфликта, как конфликта классового, не всегда находят свое отражение в реальности.

Модернизационный подход рассматривает национализм и этнические конфликты, как неотъемлемую часть и продукт процесса модернизации. Изначально сторонники данного подхода считали, что процесс модернизации приводит к унификации ценностей и соответственно вырастает конкуренция в борьбе за них. Однако в последнее время процесс модернизации в рамках данного подхода в итоге свелся к изучению глобализации в качестве источника конфликтов. При этом процесс глобализации можно рассмотреть с точек зрения двух подходов.

С точки зрения первого — глобализация вызывает недовольство, прежде всего, в широких слоях населения и «усиливает стремление к большей автономии со стороны раз-

³ Также распространены мнения, которые рассматривают расовые и этнополитические отношения вместе. Для авторов, придерживающихся таких мнений, «биологические отличия являются только одними из самых ярких отличий» (Aguirre, Turner 2001: 3).

личных национальных, религиозных и прочих меньшинств» (Хилькевич 2003: 164). Источники этого усиления сторонники данного подхода видят в «кризисе культурной самобытности» (Родионов 2003: 134), то есть в стремлении сохранить собственные культурные особенности при повсеместном наступлении западных ценностей. В данном аспекте модернизационный подход схож с цивилизационным и его идеей о невозможности культурного сосуществования.

Второй подход к понятию глобализации рассматривает интересы узкой группы людей — элиты региона, прежде всего финансовой элиты. «Глобализация предполагает рост степени открытости национальных экономик» (Загладин 2003: 23). Соответственно открываются границы для внешнего капитала, прежде всего ТНК и ТНБ. Местные предприниматели не выдерживают конкуренции с «гигантами транснациональной экономики» как на глобальном, так и на местном уровнях. Это приводит к их активному сопротивлению процессу глобализации. Возможно, это в какой-то мере объясняет, почему в странах с принятым на государственном уровне курсом на интеграцию и соответствующих настроениях масс, все равно происходит большое количество несостыковок и проволочек в данном процессе. В принципе этот подход также имеет аналогии с уже представленными ранее. Он схож с идеями неомарксизма. Идея экономической «выкачки» и «национализма» элиты находят близкие аналогии с представленными выше взглядами сторонников модернизационного подхода.

Подведя итог можно заметить, что этнополитические конфликты происходят и в странах, которые модернизация и глобализация пока обходят стороной, например Судан, Мавританию, Чад и Мьянму (Ногоwitz 1998: 7).

Таковы основные на сегодня подходы к изучению этнополитических конфликтов. Существуют и другие подходы, но они обычно менее разработаны и не столь известны. Например, социолингвистический подход, рассматривающий язык в качестве источника конфликтов (например, Христофорова 2001). Однако, как отмечают сами авторы социолингвистических теорий, часто очень сложно объяснить влияние языка на эскалацию конфликта (Smith 1997: 190).

Наиболее перспективным при изучении причин этнополитических конфликтов мне представляется выявление и использование

На мой взгляд, существующие подходы не дают нам полной картины этнополитического конфликта и всех его причин. В изученных мною подходах показаны лишь некоторые из возможных причин, при этом не проявляющиеся во всех этнополитических конфликтах даже отдельно взятой Юго-Восточной Европы. Более того, часто те или иные «причины» просто постулируются, без исследования того, насколько они действительно являются причиной конфликта.

Тут необходимо заметить, что на многие проблемы существуют совершенно противоположные взгляды.

Например, некоторые исследователи считают, что «труднее всего поднять на коллективные действия против государства население относительно бедных регионов» (Хесли 1996: 44), и на конфликт идут именно богатые регионы. Однако неомарксизм рассматривает этнополитические конфликты, как конфликт бедной периферии против богатого за ее счет центра.

Другой пример — это вопрос о влиянии статуса меньшинства на развитие политических отношений. «Теории признания» говорят о том, что признание меньшинств (выражающееся, прежде всего, в наделении меньшинства какими-то особенными правами, прежде всего, культурными) — это необходимый элемент для мирного сосуществования в одном государстве. Однако, в то же время «наделение особыми правами способствует не включению в общество, а исключению из него и углубляет раскол по «этническим линиям»» (Ильинская 2003: 167). И, например, достаточно популярна в современной политологии точка зрения о том, что курс на сохранение этнического разнообразия и создание национально-культурных автономий ведет к формированию национально мыслящей культурной элиты у данного меньшинства. А затем эта элита, не имея возможности полноценно конкурировать с «имперской» элитой, приходит к идее сепаратизма.

Как же действительно влияют данные параметры на конфликтность меньшинства? Или же эти параметры не являются доминирующими и являются следствием каких-то более глубоких причин? Удовлетворительных ответов на эти вопросы существующие подходы не предлагают.

* * *

разницы в конфликтности регионов, в которых проживают меньшинства. При более внимательном рассмотрении оказывается, что

регионов, в которых проживают разные этнические и религиозные группы, значительно больше, чем реально существующих этнополитических конфликтов.

Таковыми примерами могут быть итальянский Триест и турецкое меньшинство в Болгарии. Этот факт приводит к мысли о разделении всех регионов на конфликтные и потенциально конфликтные (в дальнейшем — «узел»). Однако и такое разделение не отражает реального положения дел. Поэтому необходимо ввести третью промежуточную группу — латентный конфликт. Такое разделение объясняется разной степенью конфликтности регионов. Действительно, нельзя говорить, что сербско-хорватский конфликт в Краине и сербско-венгерский конфликт в Воеводине обладают одинаковой степенью конфликтности. То же самое можно сказать о боснийско-сербских конфликтах в Боснии и Герцеговине, с одной стороны, и ситуации в Рашке (Новопассарском Санджаке) — с другой.

Последний пример наиболее показателен. Здесь мы видим сожительство тех же самых этносов, обладающее разной степенью конфликтности в разных регионах (в первом случае даже представляется некорректным говорить о каком-либо сожительстве). В Боснии и Герцеговине это сожительство переросло в один из страшнейших военных конфликтов 90-х⁴, а в Рашке в это же время сохранялось мирное положение притом, что эти два региона граничат. Боснийцы в Рашке отвергают сепаратизм и изоляцию, считая их непродуктивными, поскольку они несовместимы с демографическими и экономическими реалиями в регионе (Железякова). Они также противятся сепаратистским настроениям, возникающим иногда в Черногории. Нет сомнений и в том, что боснийцы в Боснии и Герцеговине и боснийцы в Рашке — это одна и та же этническая группа. В марте 2001 года в Нови Пазаре (столица Рашки) состоялась конференция под названием «Санджак и бошняки между Сербией и Черногорией», где было принято самоназвание «бошняки»⁵ для мусульманс-

кого населения региона. Френсин Фридман считает эти две группы мусульманского населения одним этносом, разделенным административными границами (Friedman 2000). Местное население придает важное значение тому факту, что название «бошняк» несет в себе в большей степени этнокультурные характеристики, чем просто религиозную принадлежность (Железякова).

Еще один пример схожего типа (его даже называют естественным экспериментом) предоставляет нам Африка. Здесь в 2-х странах — Замбии и Малави проживают одни и те же народности Чева и Тумбука. И если в Малави существует постоянная угроза вооруженного конфликта, то в Замбии «эти народности рассматривают друг друга в качестве друзей и союзников» (Posner 2004: 531).

Таким образом, я хочу показать, что объяснение наличия или отсутствия этнополитического конфликта в регионе толерантностью или «нетолерантностью» того или иного этноса, религии или другой группы представляется некорректным. В данном случае приходится говорить об объективных факторах (причинах), повлиявших на то, что та или иная группа населения стала толерантной, или, наоборот, конфликтной. Иначе конфликтность одних и тех же этносов/религий должна быть одинаковой на всех территориях их сожительства и постоянна во времени⁶.

Попытки отразить конфликтность в конкретных цифрах уже предпринимались (напр. Vanhanen, цит. по Jackson 2002). Однако, на мой взгляд, это не совсем корректно, так как при этом в эти цифры часто априорно закладываются какие-то факторы, влияние которых еще не доказано. Например, вышеупомянутый Тату Вананен при подсчете своего индекса этнополитического конфликта учитывает существование этнических политических партий. Однако этот параметр можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, существование этнополитических политических партий обостряет конфликт, так как они мобилизуют население, организуют руководство действий и т.д. Но, с другой стороны, существующие этнические партии могут направить этнические

⁴ «В то же время до середины 80-х годов кто бы ни приезжал в Боснию, ни изучал отношения между хорватами, мусульманами и сербами, неизменно делал вывод, что реальных, заслуживающих тревоги проблем нет. Босния была примером плюралистического общества, в котором мирно уживались люди разных вероисповеданий (и соответственно разных этносов и групп с различными политическими интересами — А.В.)» (Изакович 1996: 74).

⁵ Так еще в начале XV века называлось мусульманское население Санджака, Боснии и некоторых других балканских регионов. Стремление вернуть себе это название проявляли и проявляют и боснийцы в Боснии и Герцеговине, которых со времен СФРЮ называли «боснийскими мусульманами» (подробнее об этом см. Simmons 2002).

Этот пример еще раз доказывает, что мы имеем дело с одной и той же этнической группой в двух различных регионах, которая тем не менее проявляет себя в этих регионах совершенно по-разному.

⁶ В этом контексте очень любопытна работа Ю.В. Ивановой (1999), в которой на основании этнографических данных показано отсутствие неприязни между албанским и сербским этносами в более раннее время. Собственно, это подтверждает, что этнические группы и их взаимоотношения не являются неизменными на протяжении веков (Bowen 1996: 3-4).

отношения и в мирное русло и снизить конфликтность той или иной группы, или же запрет на существование этнических партий может вызвать недовольство меньшинства и привести к конфликту. Таким образом, подсчет индексов степени конфликта производится, опираясь на показатели, влияние которых далеко неоднозначно. А это, в свою очередь, может привести к методологической путанице и в конечном итоге к неверным результатам.

Поэтому я и предлагаю разделить регионы на 3 группы. Конечно, как и любая типология, такое разделение несколько исказит реальную картину, но, как я уже показал выше, отразить степень конфликтности точнее весьма проблематично.

Таким образом, выделенные группы выглядят следующим образом:

1. «Узел» — регион, в котором мирно проживают две или более этнические, религиозные, языковые, региональные и т.д. группы. Столкновения в таких регионах практически отсутствуют. Необходимо отметить, что областей с проживанием таких групп большое количество, и они все не включены в анализ, так как, во-первых, это чисто технически затруднило бы исследование (прежде всего, ввиду трудностей при поиске информации и данных по этим группам), а во-вторых, наблюдался бы очевидный крен в сторону первой группы регионов. Поэтому мы выбрали четыре региона, на наш взгляд, наиболее любопытных. Кроме того, отобранные регионы представляют достаточно любопытный спектр, так как здесь рассматриваются и этнические, и этнорелигиозные, и региональные группы.

2. «Латентный конфликт» — регион, в котором противостояние этнических, религиозных, региональных групп не переходит в открытый конфликт, однако напряженность и мелкие (локальные) столкновения присутствуют.

3. «Конфликт» (конфликтный регион) — регион, в котором взаимоотношение этнических и других групп населения перешло в открытое противостояние, вплоть до сепарации (возможно непризнанной). Таким образом, эта группа регионов характеризуется 2-мя свойствами: 1) существуют столкновения (с жертвами) между группами населения, часто с представителями центральной власти; 2) фактически образовано независимое государство, целью которого является либо сохранение существующего положения, либо достижение юридического признания.

В ходе изучения литературы по данной тематике были выявлены и разделены на группы регионы на Балканах. Результаты разделения регионов на группы представлены в таблице 1. Графически данные таблицы представлены на рисунке 1.

Разделение, представленное в таблице, отражает ситуацию в регионах примерно на момент написания статьи. С этим в частности связано то, что Черногория попала в группу «конфликтов», Крайна — в группу «латентных конфликтов», а Гагаузия — в группу «узлов». Естественно, что при исследовании учитывается и изменение степени конфликтности в разные периоды истории регионов.

В качестве метода исследования я предлагаю сравнить вышеуказанные регионы по различным параметрам и выявить те из них, которые повлияли (и влияют) на повышенную или наоборот пониженную степень конфликтности. Сравнение будет проводиться несколькими путями:

- сравнение показателей конфликтов и узлов между собой;
- сравнение показателей регионов или меньшинства с показателями государства или большинства, в которое этот регион входит;
- сравнение разновременных показателей региона;
- сравнение между собой государств, которым принадлежат данные регионы.

В принципе, это несколько переделанный под данную работу способ выявления археологических культурных типов Чжана Гуанчжи (Клейн 1991: 117). Таким образом, сравнение полученных результатов с вышеуказанным разделением регионов и должно показать нам причины, способствовавшие переходу ситуации в конфликтное положение, а также показать причины, способствовавшие наоборот сохранению мирного положения.

Ключевой проблемой здесь является вопрос о выделении параметров сравнения регионов. Возникает вопрос — а какие именно параметры сравнения следует избрать? Исходя из того, что цель — дать сопоставимое описание конфликтов и потенциальных этнополитических конфликтов, можно предложить следующее основное требование к этим параметрам: **параметры должны быть формализуемыми и могут быть выражены в количественной форме.** Это и позволит от чисто субъективных оценок перейти к доказательному рассуждению.

Однако наличие только этого требования недостаточно. Так как количество потенциальных параметров в этом случае оказывается чрезвычайно большим — и, таким обра-

Табл. 1. Разделение регионов на группы

Узел (потенциальный конфликт)	Латентный конфликт	Конфликт
<ul style="list-style-type: none"> • Триест • Новопасарский санджак (Рашка) • Гагауз-Ери • Полуостров Истрия 	<ul style="list-style-type: none"> • Восточная Фракия • Западная Македония • Воеводина • Трансильвания • Федерация Боснии и Герцеговины⁷ • Крайна 	<ul style="list-style-type: none"> • Косово • Черногория⁸ • Сербская Республика Босния

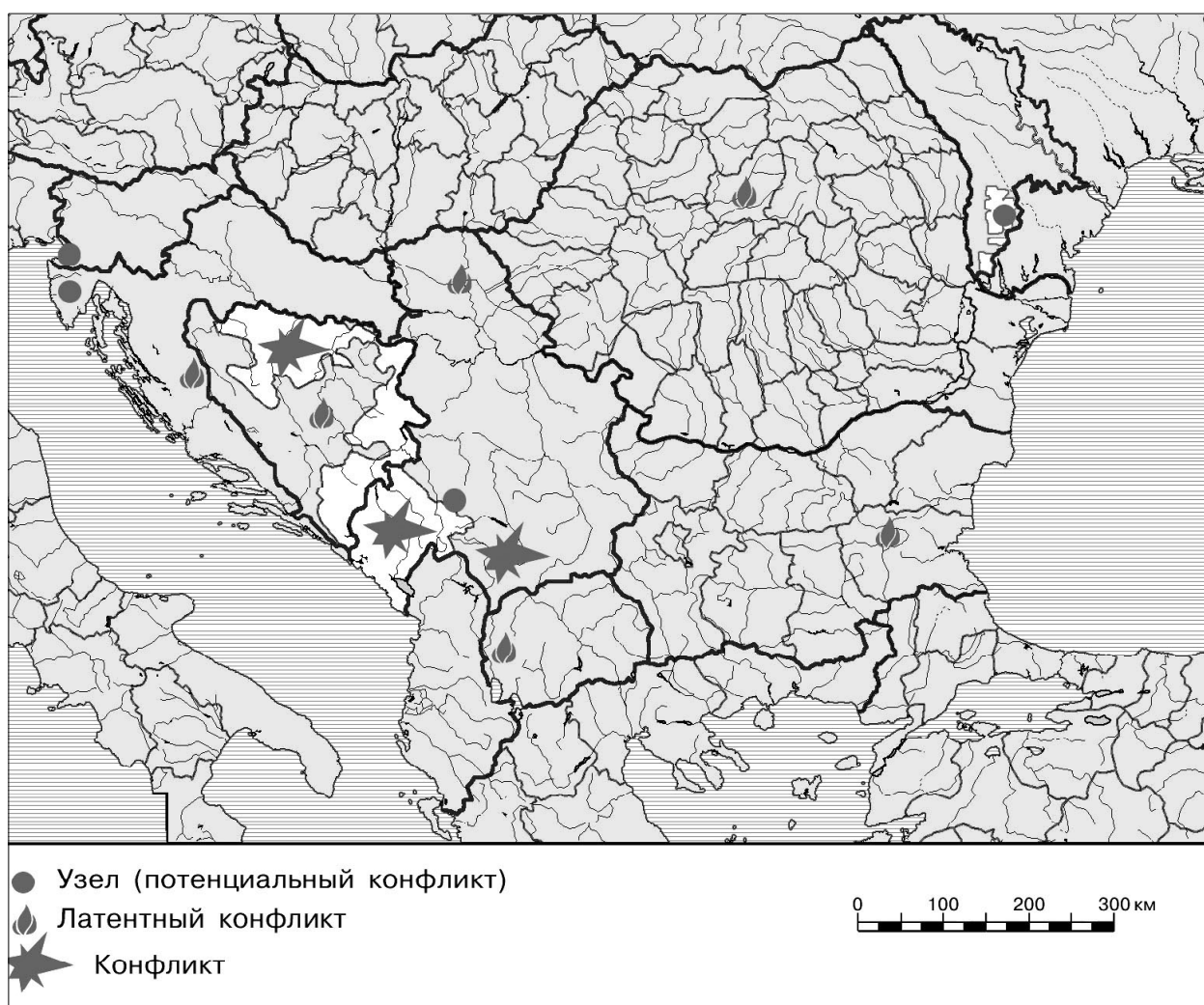

Рис. 1.

зом, бесполезным. Здесь я был вынужден прибегнуть к неизбежной процедуре любой археологической типологии — пустить в ход некое «предзнание», позволяющее произвести предварительный отсев параметров. Однако это «предзнание» — не взято с потолка, а представляет собой результат длительной

работы, прежде всего изучения работ, посвященных как выяснению причин конфликтов Юго-Восточной Европы, так и вообще истории, культуре, экономике и географии региона.

Выделяя эти параметры, я формулирую гипотезу, что именно они являются значи-

⁷ В данном случае учитываются взаимоотношения хорватов и бошняков.

⁸ Черногория занимает промежуточное положение; так как, с одной стороны, это государство стало самостоятельным в результате сепарации, с другой стороны, это произошло без столкновений с сербским руководством. Во всяком случае на данный момент.

мыми для возникновения или «невозникновения» этнополитических конфликтов. И в каждом случае привожу аргументацию причин, позволивших мне «заподозрить» тот или иной параметр в том, что он является «рабочим». С другой стороны, приводимую мною аргументацию не следует расценивать как «расшифровку» параметра. Весь смысл предложенного подхода заключается в том, чтобы отказаться от априорного постулирования причин. И, как мы могли уже убедиться, радикально противоположные трактовки тех или иных особенностей региона делают такую задачу весьма актуальной.

Применительно к данному подходу наиболее целесообразно будет рассматривать (потенциально) конфликтный регион и государство, в которое он входит, — как систему. Прежде всего, эту систему необходимо описать. Она может описываться бесконечно великим количеством параметров. Но даже «сверхсложная, бесконечномерная, хаотизированная на уровне элементов среда (система) может описываться, как и всякая открытая нелинейная среда (система), небольшим числом фундаментальных идей и образов» (Князева, Курдюмов 1997).

При этом суть упрощения всякой, даже самой сложной системы, заключается в возможности ее описания (или, возможно, отображения каждого ее существенного состояния) посредством немногих величин. В синергетике эти величины называются «параметрами порядка». Термин был введен одним из основателей синергетики Германом Хакеном, и само понятие он рассмотрел в ряде своих работ (например, Хакен 1980; 1985; 1991).

Возможность этого упрощения становится реальностью благодаря тому, что «параметры порядка» подчиняют себе отдельные части системы и определяют их поведение, как «невидимый игрок в театре марионеток управляет поведением кукол» (Хакен 2005). В этом и состоит синергетический *принцип подчинения*. В термодинамике схожий принцип выражается в сведении «быстрых переменных» к «медленным» (Николис, Пригожин 1990).

В то же время «параметры порядка» лучше всего описывают состояние системы. Таким образом, «параметры порядка играют двойную роль — ведут систему и информируют наблюдателя о внешнем, макроскопическом состоянии системы» (Войцехович 2003: 154).

Против «параметров порядка» можно возразить: зачем выделять что-то главное

(ведь это в какой-то мере все же предполагает некоторое искажение), если при помощи компьютера можно подсчитывать одновременно достаточно большое количество параметров. Этот процесс сравнивают со складыванием мозаики. Однако, на деле все оказалось намного сложнее. Например, американский проект «Биосфера», связанный с моделированием экологических процессов, в котором участвовало около 700 ведущих специалистов, «складывающих мозаику», привел к результатам, не допускающим какой-либо разумной интерпретации (Капица, Курдюмов, Малинецкий 2003: 79). Собрать всю мозаику просто невозможно, так как параметров бесконечное (!) множество.

Кроме того, выявление «параметров порядка» не является каким-то синергетическим «изобретением», синергетика только придало этому принципу своеобразную научную форму. Это то, что делают люди практически ежедневно. Крестьянин, давая прогноз на урожайность этого года, учитывает не все параметры, а только основные, например, количество дождливых или солнечных дней. Схожая ситуация и при политическом прогнозе или оценке ситуации. То есть это постоянная практика (и, в основном, достаточно удачная) человеческого мозга, и, собственно, то без чего он не может обойтись.

Таким образом, наша задача сводится к выявлению «параметров порядка» для каждого региона Юго-Восточной Европы. При этом «параметры порядка не являются универсальными» (Малинецкий 2005), хотя такую возможность тоже исключать нельзя. Возможно, что различные состояния региона (то есть различные состояния системы) будут также описываться разными «параметрами порядка». Но при этом состояние системы должно измениться достаточно радикально. Например, разными состояниями системы можно посчитать Боснию и Герцеговину до 90-х и после 90-х годов.

Методологии выделения «параметров порядка» пока не существует, поэтому это «остается скорее искусством, нежели наукой» (Капица, Курдюмов, Малинецкий 2003). В то же время наш метод может помочь нам в их выявлении. Тем более, что гуманитарные науки (в большей степени, чем естественные) всегда подразумевали некоторый процент искусства.

«Параметр порядка» может также представлять собой сочетание нескольких параметров. То есть у нас появляется возможность комбинирования параметров, таким

образом, создавая новые параметры. Кроме того, рассматривая систему как целое, мы можем определить те параметры, которые влияют на низкий уровень конфликтности региона. То есть параметры, нивелирующие

влияние конфликтотенных в других регионах параметров. Теперь я непосредственно перейду к описанию параметров, потенциально «параметров порядка» или тех, которые могут нас подтолкнуть к их выявлению.

* * *

В результате мною был получен следующий **список параметров**. Естественно, он может меняться и по количеству и по составу параметров. Все параметры были разделены на несколько групп. Это разделение произведено больше для удобства пользования списком параметров. Оно достаточно условно.

Политико-организационные параметры.

Форма правления в государстве. Разница в системе правления может влиять на степень конфликтности региона. На страницах журнала «Антологии. Пределы власти. #2-3. Президенты и парламенты» развернулась дискуссия между Хуаном Дж. Линцом и Дональдом Л. Горовицем по поводу преимуществ и недостатков президентской и парламентской систем правления. Каждый в этом споре приводил примеры кризисов при определенной системе правления. А. Лейпхарт, один из идеологов общественной демократии, в свою очередь отмечал, что в гетерогенных обществах более предпочтительна парламентская республика, так как она дает возможность быть представленными всем сегментам общества, а это в свою очередь влияет на повышение легитимности власти (Лейпхарт 1992: 89-90). Соответственно это может влиять и на конфликтность региона. Кроме того, необходимо отметить, что может сложиться ситуация, когда форма правления, описанная в конституции, и форма правления, сложившаяся на практике, могут не совпадать. Например, в парламентской республике может сложиться ситуация, когда и большинство в парламенте и президент относятся к одной партии, и фактически может сложиться президентская система.

Административно-территориальное устройство и статус конфликтного региона или узла в государственном устройстве. Страны Юго-Восточной Европы делятся на унитарные (Румыния, Болгария) и федеративные (Сербия и Черногория, Босния и Герцеговина) республики. Кимлика считал, что федерация, хотя и предоставляет больше возможностей для отделения, но в то же время значительно снижает ставки при сепарации (2000: 260). Видимо, административно-территориальное устройство действительно влияет на степень конфликтности, но так ли, как считает Кимлика?

Мажоритарная или пропорциональная избирательная система. Знаменитый политолог Аренд Лейпхарт, изучив 36 демократий по всему миру, пришел к выводу, что «несмотря на огромные различия в правилах и институтах, все демократии сводятся к двоичной системе мажоритарного или консенсусного (согласно Лейпхарту — результат пропорциональной избирательной системы — А.В.) руководства» (Lijphart 2000: 274). Поэтому, по его мнению, и влияние различных видов демократий на жизнь общества необходимо рассматривать именно с этих позиций.

Национальный состав местных властей. Возможное влияние этого параметра также неоднозначно. С одной стороны, каждая этнополитическая группа предпочитает, чтобы ею управляли выходцы из ее рядов. Но, с другой стороны, наличие представителей меньшинства у власти может привести к появлению этнократии, которая, как, например, отмечает Драгунский, в большой степени повлияла на будущие дезинтеграционные процессы, а также последующие этнополитические конфликты на постсоветском пространстве (Драгунский 1993: 27-28).

Наличие государства, к которому тянется меньшинство — kin state (Кимлика 2000: 273) и степень его европеизации. На русский язык термин «kin state» переводится как «родственное государство». Однако русский аналог не охватывает все значение термина, поэтому я буду пользоваться английским вариантом. Kin state определяется своеобразным духовным и культурным родством, которое на практике выражается в признании меньшинством покровительства государства, в котором оно не состоит. В свою очередь, это государство признает это меньшинство частью своего народа, живущего за границей. Также очень любопытен вопрос, как расширение ЕС влияет на поведение kin state в отношении меньшинств.

Наличие военных баз других государств на территории государства или проекты их расположения на данной территории. Само по себе нахождение войск другого государства или государств будет влиять на развитие этнополитических конфликтов, а возможно и провоцировать его.

Исторические параметры.

Наличие собственной государственности или какого-то особого статуса региона в прошлом. Наличие собственной государственности в прошлом может влиять и на требования населения на современном этапе, а, следовательно, влиять и на конфликтность региона. Также регион мог иметь какой-то особый статус в прошлом, а затем потерять его. Это может быть расценено населением как притеснение со стороны центральной власти. Примером может служить Трансильвания, Юго-Восточная часть которой в 1952 г. получила автономию, однако уже в 1968 г. она была упразднена (Nouzille 1996: 253-254) или Косово.

Время нахождения регионов в едином государственном или административно-территориальном образовании. Данный параметр отражает возможную историческую связь регионов. Также нахождение обоих регионов в составе какого-либо одного государства-завоевателя могло играть консолидирующую роль для этих регионов. В свою очередь раздельное существование приводило к всё большим различиям в экономическом, политическом и культурном плане. Например, «сербы, живущие под владичеством Оттоманской империи, в культурном и экономическом отношении были значительно более отсталыми, чем сербы и другие южные славяне, жившие на территории империи Габсбургов» (Кон 1989: 281).

Распад государства, в котором состояли регионы. Распад государства нередко приводит к активизации радикальных движений, обостряет разногласия и т.д.

Наличие исторической связи этнической группы с регионом (в годах). Будет учитываться дата, когда данный этнос появился в данном регионе, и располагались (или располагались) ли здесь какие-то важные для этого этноса исторические или культурные объекты. Правда, Ю. В. Иванова (1999) на примере Косово показала, что в данном регионе говорить о более раннем пришествии какого-то этноса нецелесообразно.

Географические параметры.

Наличие крупных географических объектов (рек, гор), которые могли повлиять на расселение этносов. Географические объекты влияют на сохранение особенностей этноса. Например, горы могут мешать (особенно в прошлом) контактам этносов, что препятствует их смешению и приводит к различиям в культуре, традициях, иногда в религии. Так, как отмечает П.А. Ровинский (1897), особое стремление к независимости у черно-

горцев связано, в том числе, и с горным рельефом в регионе их проживания.

Обеспеченность региона водой. «Вода, несомненно, вещество наиболее нужное для человека» (Воейков 1949: 127). Тот же Воейков привел очень любопытный пример Далмации, где еще в начале прошлого века «осенью дают бочку вина за бочку воды» (Воейков 1949: 128).

Наличие природных ресурсов и их использование (разработка). Наличие и разработка природных ресурсов являются одной из основ успешного экономического развития, а также базой для экономической, а, следовательно, и для политической независимости.

Социально-экономические параметры.

Структура занятости групп населения региона или государства в различных отраслях хозяйства. Один из основных показателей экономического развития региона. Показывает, какая часть населения занята в промышленности, с/х и т.д.

ВВП и ВПП на душу населения, средняя заработная плата в регионе и в стране. Одни из основных показателей экономического развития региона (страны), в какой-то мере характеризующие уровень доходов населения. Очень важно сравнение уровня доходов у людей разных этнополитических групп.

Уровень урбанизации. Этот параметр отражает, во-первых, особенности народов, проживающих либо в городской, либо в сельской местности, во-вторых, возможно, он отразит и источник этнополитического конфликта либо в городе, либо в селе. Также частота контактов этносов в городе значительно выше, что опять-таки может влиять на степень конфликтности региона.

Уровень безработицы. Недовольство отсутствием возможности для самореализации приводит к борьбе с властями, которые часто кроме того могут представлять интересы другого этноса.

Уровень образования населения в регионе (стране), соотношение гуманитарных и негуманитарных ВУЗов. В основном именно образованные люди становятся во главе современных национальных движений. В то же время существует мнение, что люди необразованные намного легче поддаются влиянию и становятся последователями популистских идей, зачастую не имеющих реальных основ.

Социальный состав армии, престижность армии, наемная армия или нет. Армия играет важную роль в жизни государства, поэтому очень важен ее состав, т.к. от этого зависит, чью сторону она примет в этнополитическом конфликте. Возможно, армия будет и создавать этнополитический конфликт

сама, как это часто происходит в Латинской Америке или Африке.

Уровень миграций населения и их направления. Отражает толерантность этносов друг к другу, а также стремления этноса к какой-либо стране. Например, усиленная миграция турков в Турцию в 80-х годах была вызвана натянутыми отношениями между центральной болгарской властью и турками.

Наличие крупных международных транспортных центров и доля торговли в ВВП страны (региона). Торговля всегда развивалась в стабильной и мирной обстановке. Дестабилизация ситуации отрицательно сказывается на торговле, а, следовательно, на доходах региона и населения. Этот параметр может отражать заинтересованность этнополитических меньшинств в развитии торговли в регионе, а, стало быть, может влиять и на степень конфликтности.

Наличие развитого туризма в стране (регионе), доход от туризма, национальный состав работников туризма. Туризм, как и торговля, развивается в стабильных регионах. Немного людей готовы поехать в регион, находящийся на грани этнополитического конфликта и возможной войны. Этот параметр также отражает заинтересованность этноса в развитии туризма.

Наличие в регионе электростанций. При наличии – вид электростанций. Наличие на территории электростанций, наряду с наличием энергоресурсов, – залог энергетической независимости, что в современном мире приобретает все большее и большее значение. В то же время наличие электростанций может вызывать и недовольство населения, так как ряд их типов может быть вреден для экологического состояния региона.

Распространение сферы интересов транснациональных корпорации на данный регион. Влияние ТНК все более возрастает, поэтому может возрастать и их влияние на политику в отношении этнополитических групп и на сами группы.

Демографические параметры.

Естественный прирост населения. Показывает не только уровень экономического развития страны или региона, но и возможные направления (тенденции) изменений этнополитического состава населения. М.С.Кашуба (1999) показала влияние демографии на этнополитический конфликт на примере Косово – региона, в котором за довольно небольшой период времени из-за большого уровня рождаемости албанцев резко изменилось соотношение численности населяющих его этнических групп. Правда, при рас-

чете этого параметра надо также учитывать миграции населения, которые могли повлиять на правильный расчет этого показателя. Так, как показал В.И.Козлов (1964), на более низкие показатели этого параметра в Болгарии у турков повлияли не рождаемость и смертность, а именно миграции турков в Турцию.

Абсолютные и относительные показатели численности населения в регионе и, в общем, по стране. Возможно, существует какой-то порог в численности группы, когда она считает вправе требовать каких-то особых прав. Сейчас распространено мнение, согласно которому большая концентрация населения, особенно разнородного, приводит к повышенной конфликтности общества. В частности, этот тезис обосновывается этологами, доказывающими, что это свойство заложено в человеческой психике. Однако, в последнее время эта идея начинает находить своих противников. Так, М.Л. Бутовская показала, что на повышенную конфликтность влияет не столько большая плотность проживания населения, а реакция на смену обстановки (Бутовская 1999).

Степень дисперсности проживания этнической группы в регионе на современном этапе и в прошлом. Отражает толерантность этносов. Рассмотрение изменения этого параметра в истории позволит увидеть развитие ситуации в динамике.

Отношение межэтнических браков к общему числу. Отражает как уровень толерантности одного этноса к другому, так и в какой-то мере и степень конфликтности региона. М.Ю. Мартынова (1998) в своей работе о Балканском кризисе рассматривала только первый аспект данного параметра, однако само наличие межэтнических браков, скорее всего, влияет и на степень конфликтности региона.

Культурные параметры.

Моно- или поликонфессиональность региона. Наличие двух и более религий в регионе должно привести к наличию этнополитического конфликта, как считает Хантингтон. Однако, есть регионы, где этнополитические конфликты возникают и между народами одной религии, а также есть регионы, где представители разных религий живут достаточно мирно.

Относительные и абсолютные показатели численности атеистов в регионе и государстве. Влияние атеизма на конфликт практически не исследовано. При этом в некоторых странах атеисты составляют до 50% населения. И эта часть населения выпадает из поля зре-

ния исследователей при изучении сецессионистских конфликтов.

Этнический состав интеллигенции, происхождение интеллигенции (то есть местная интеллигенция или приезжая). Интеллигенция принадлежит одна из основных ролей в формировании национального самосознания. Так неомарксистский подход рассматривает этнополитический национализм только как «проявление узкогрупповых интересов элит меньшинств» (Празаускас 1997: 96). Действительно ли настроения народа зависят от настроений ее интеллигенции? Как отмечают некоторые исследователи «роль интеллигентов в продуцировании этнополитических конфликтов связана с их вовлеченностью в воспроизводство этноцентристских стереотипов мышления» (Малахов 2001: 129). И излишнее поощрение создания национальных элит приводит к росту этнонационализма, что и произошло в СССР. Другой взгляд состоит в том, что на поведение нации влияют детерминанты, «которые не зависят от политической воли лидеров, партийных программ и международных соглашений» (Драгунский 1995: 38).

Основной язык общения в регионе. Отражает возможность влияния языкового различия между этническими группами на этнополитический конфликт.

Знание языков других этнических групп. Отражает отношение меньшинства к большинству (если говорить о знании языка большинства — это может быть как вынужденной мерой, так и собственным желанием меньшинства), или же необходимость

знания того или иного в данном регионе или стране.

Наличие квот на использование каких-то языков в СМИ. Покажет возможность влияния СМИ на одну из главных проблем во многих регионах — проблему языка.

Наличие национальных школ. Может влиять как на увеличение степени конфликтности, так и на ее уменьшение. Первое возможно при влиянии национальных школ на формирование этнического самосознания меньшинства и возможный рост национализма у данного меньшинства, второе возможно при понимании наличия этих школ, как уступки со стороны государства по отношению к меньшинству.

Комбинаторные параметры.

Социальная конфигурация этнополитических групп (конкретная и по четырехклеточной таблице «образование-доход») (Драгунский 1995: 43). Отразит социальную позицию этнического меньшинства в сравнении с большинством и ее влияние на конфликтность этноса.

Соотношение экономического роста и прироста людских ресурсов (Драгунский 1995: 46). Конечно, сложно распределить регионы Юго-Восточной Европы по цивилизациям, выделенным Драгунским: Северной, Южной, Западной и Восточной. Однако, тем не менее этот параметр может реально показать некоторые различия между изучаемыми регионами.

Таким образом, проведя сравнение по данным параметрам, мы и сможем выявить те из них, которые повлияли на степень конфликтности этнических групп и стали причинами этнополитических конфликтов.

Литература

- Бутовская М.Л. 1999. Современная этология и мифы о нарушенном балансе агрессии — торможения у человека // Социально-исторический прогресс: мифы и реалии. М.
- Воейков А.И. 1949. Воздействие человека на природу. М.
- Войцехович В.Э. 2003. Синергетическая концепция фракталов (социальные и философские основания) // Синергетическая парадигма. М.
- Драгунский Д.В. 1993. Навязанная этничность // Полис. М. №3.
- Драгунский Д.В. 1995. Макрополитика // Полис. М. №5.
- Железякова А. б.г. Этнические меньшинства в Сербии и Черногории. Боязнь сепаратизма в Балканских странах // http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/bibliothek/internationale-politik/2002-05/article03_p.html
- Загладин Н.В. 2003. Глобализация как фактор развития этносоциальных конфликтов // Современные международные отношения этнополитический контекст. М.-Н.Новгород.
- Иванова Ю.В. 1999. Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы. М. // <http://www.iea.ras.ru/lib/neotl/07112002063714.htm>
- Изакович З. 1996. Политические и этно-религиозные аспекты югославского конфликта // Социс. М. №5.
- Ильинская С.Г. 2000. Терпимость и укрепление этноцентрического сознания // Полис. М. №6.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. 2003. Синергетика и прогнозы будущего. М.
- Кашуба М.С. 1999. Рост национализма в условиях межэтнического конфликта (пример автономного края Косово и Метохия — Союзная Республика Югославия) М. // <http://www.iea.ras.ru/lib/neotl/07112002063451.htm>
- Кимлика У. 2000. Федерализм и сецессия: Восток и Запад // Ab Imperio. М. №3-4.
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. М.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. 1997. Антропный принцип в синергетике // ВФ. №3.
- Козлов В.И. 1964. Этнический аспект демографических процессов в некоторых странах Юго-Восточной Европы. М.
- Кон Ганс. 1989. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы. New York. №25-26.
- Конституция Республики Болгария // http://constitution.garant.ru/DOC_3864875.htm

- Лейпхарт А. 1992. Со-общественная демократия // Полис. №3.
- Малахов В. 2001. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. М.
- Малинецкий Г.Г. 2005. Параметры порядка, самоорганизация и получение образования // <http://www.portalus.ru>
- Мартынова М.Ю. 1998. Балканский кризис: народы и политика. М.
- Марченко Г.И. 1997. Этнос как объект и субъект политики: социальные основы национальной политики // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. №5.
- Мирский Г.И. 1998. Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия // Полис. М. №2.
- Николис Г., Пригожин И. 1990. Познание сложного. М.
- Празаускас А.А. 1997. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Полис. М. №2.
- Ровинский П.А. 1897. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб.
- Родионов А.Н. 2003. Глобализация и взаимодействие культур // Современные международные отношения этнополитический контекст. М.-Н.Новгород.
- Скворцов Н.Г. 1998. Этничность, раса и способ производства: марксистская перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. №1.
- Скворцов Н.Г. 1999. Этничность: социологическая перспектива // Социологические исследования. №1.
- Смирнов И.Н. 2001. Жить на нашей земле. М.
- Хакен Г. 1980. Синергетика. М.
- Хакен Г. 1985. Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.
- Хакен Г. 1991. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М.
- Хакен Г. 2005. Самоорганизующееся общество // <http://www.portalus.ru>
- Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций? // Полис. №1.
- Хесли В.Л. 1996. Национализм и пути решения межэтнических противоречий // Полис. М. №6.
- Хилькевич И.В. 2003. Движение антиглобализма: этнополитический аспект // Современные международные отношения этнополитический контекст. М.–Н.Новгород.
- Христофорова О. 2001. Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтническое взаимодействие // Язык и этнический конфликт. М.
- Цымбурский В. Цивилизация: кто будет её фоном // <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/geopolitics/>
- Aguirre A., Turner J. 2001. American ethnicity: the dynamics and consequences of discrimination. New York.
- Bowen J. 1996. The myth of global ethnic conflict // Journal of democracy. Vol.7. No 4.
- Fox J. 2003. Ethnoreligious Conflict in Third World: The Role of Religion as a Cause of Conflict // Nationalism and Ethnic Politics. Vol. 9. No 1.
- Friedman F. 2000. The Muslim Slavs of Bosnia and Herzegovina (with Reference to the Sandžak of Novi Pazar): Islam as National Identity // Nationalities Papers. Vol. 28. No. 1.
- Horowitz D. 1998. Structure and strategy in ethnic conflict. Washington.
- Huntington S. 1997. The clash of civilizations and the remaking of world order. New York.
- Jackson T. 2002. The anatomy of ethnic conflict // American renaissance. Vol.13. No. 6.
- Lijphart A. 2000. Modele ale democratiei: forme de guvernare și functionare in 36 de tari. Iași.
- Nouzille J. 1996. Transylvania — an area of contacts and conflicts. Bucharest.
- Posner D. 2004. The political salience of cultural difference: why Chewas and Tumbukas are allies in Zambia and adversaries in Malawi // American political science review. Vol. 98. No. 4.
- Simmons C. 2002. A multicultural, multiethnic, and multiconfessional Bosnia and Herzegovina: myth and reality // Nationalities papers. Vol. 30. No 4.
- Smith D. 1997. Language and discourse in conflict and conflict resolution // Current issues in language and society. Vol. 4. No. 3.